18+

Генрих Гейне

Из мемуаров господина фон Шнабелевопского

Генрих Гейне

Из мемуаров господина фон Шнабелевопского

«Издательские решения»

Гейне Г.

Из мемуаров господина фон Шнабелевопского / Г. Гейне — «Издательские решения»,

Незавершенный роман Г. Гейне впервые опубликован в 1834 г. Несмотря на это он дает полное представление о творчества выдающегося поэта, прозаика и публициста. Язык романа пронизан остроумием и иронией, тонкими психологическими и философскими наблюдениями, при этом структура произведения свидетельствует о новаторском подходе к литературным жанрам и традициям. Включение широкого исторического контекста придает произведению необычайную значимость и глубину.Для любителей зарубежной литературы.

© Гейне Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Из мемуаров господина фон Шнабелевопского

Генрих Гейне

Переводчик Татьяна Юрьевна Ирмияева

© Генрих Гейне, 2026
© Татьяна Юрьевна Ирмияева, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-6435-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

> …для создания совершенной прозы необходимо также большое мастерство в метрических формах. Без этого мастерства прозаику будет недоставать известного такта, от него будут ускользать словосочетания, выражения, цезуры и обороты, встречающиеся только в стихотворной речи, и возникнет скрытое неблагозвучие, которое оскорбит лишь немногие, зато весьма чувствительные уши.
> *Генрих Гейне*

Глава 1

Мой папа именовался Шнабелевопский, моя мама именовалась Шнабелевопская, как сын законных супругов, я родился 1-го апреля 1795 года в Шнабелевопсе. Моя двоюродная бабушка, пожилая госпожа фон Пипицкая, ухаживая за мной в раннем детстве, рассказывала много замечательных сказок и часто напевала колыбельную, слова и мелодия которой уже улетучились из памяти. Но я никогда не забуду таинственность, с которой она кивала дрожащей головой, когда пела, и как печально обнажался тогда одинокий зуб, затворник ее уст. Кроме того, иногда я вспоминаю попугая, о смерти которого она так горько плакала. Сегодня старая двоюродная бабушка тоже мертва, и я, пожалуй, единственный в мире человек, который еще помнит о ее любимом попугае. Нашу кошку звали Мими́, а нашего пса — Жоли́. Он очень хорошо знал людей и всегда прятался, когда я брал в руки хлыст. Однажды утром слуга сказал, что пес поджимает хвост и высовывает язык больше обычного; и беднягу Жоли бросили в воду, привязав на шею несколько камней. По этой причине он утонул. Нашего слугу звали Прарштствич. Нужно одновременно чихать, если хотите как можно точнее произнести эту фамилию. Наша служанка звалась Свуртшская, по-немецки звучит довольно шероховато, но чрезвычайно мелодично по-польски. Это была плотная коренастая особа со светлыми волосами и белыми зубами. Кроме того, по дому еще носилась очаровательная черноглазка по имени Серафина — моя милая задушевная кузиночка, и мы вместе играли в саду, и наблюдали за домовитыми муравьями, и ловили бабочек, и высаживали цветы. Однажды она расхохоталась как сумасшедшая, когда я посадил свои чулочки, полагая, что из них вырастет пара взрослых брюк для папы.

Мой папа, добрейшей души человек на всем белом свете, долго оставался сказочно красивым; напудренная голова, сзади милая косичка, которая не свисала, а была закреплена черепаховым гребнем на макушке. Ослепительно белые руки, я часто целовал их. И как будто все еще чувствую их сладковатый аромат, а отец так и стоит у меня перед глазами. Я очень любил его и даже подумать не мог, что он может умереть.

Мой дедушка со стороны отца — пожилой господин фон Шнабелевопский; о нем я ничего не знаю, кроме того, что он был, а мой папа — его сын. Дедушка со стороны матери — пожилой господин фон Влерсарнский, он выделялся алым бархатным кафтаном и длинной шпагой, а моя мама часто рассказывала, что у него был друг, носивший зеленый шелковый кафтан, розовые шелковые кюлоты и белые шелковые чулки и яростно размахивающий треуголкой, когда заговаривал о короле Пруссии.

Моя мама, госпожа фон Шнабелевопская, когда я подрос, позаботилась о моем воспитании. Она много читала. Будучи беременной мной, проштудировала почти всего Плутарха и, возможно, осталась под большим впечатлением от одного из его великих героев, скорее всего, кого-то из Гракхов. Отсюда мое необъяснимое стремление реализовать аграрный закон в современных условиях. Пожалуй, мое чувство равенства и свободы проистекает из того же источника — материнского круга чтения. Познакомься тогда матушка с жизнеописанием Картуша, то я бы, наверное, стал крупным банкиром. Как часто, ребенком, я пропускал школу, чтобы на прекрасных шнабелевопсских лугах размышлять в одиночестве над тем, как можно сделать счастливым все человечество. Поэтому меня часто бранили бездельником и соответствующим образом наказывали; уже тогда я был вынужден терпеть много страданий и невзгод из-за своих мыслей о всеобщем счастье. Между прочим, окрестности Шнабелевопса чрезвычайно красивы, там протекает речушка, в которой очень приятно искупаться летом, также имеются очаровательные птичьи гнезда в прибрежных зарослях. Старинный Гнезно, бывшая столица Польши, всего лишь в трех милях оттуда. В его кафедральном соборе похоронен святой Адальберт. Там стоит серебряный саркофаг, на котором возлежит его изваяние в натуральную величину — с епископским посохом и митрой, молитвенно сложенные ладони, все пол-

ностью отлито из серебра. Как часто я должен был поминать тебя, серебряный святой! Ах, мои мысли то и дело незаметно возвращаются в Польшу, и я опять стою в кафедральном соборе Гнезно, прислонившись к колонне у саркофага Адальберта! И снова негромко играет орга́н, когда музыкант репетирует отрывок из «Мизерере» Аллегри; в дальней капелле совершается месса; последние лучи солнца падают сквозь разноцветные стекла окон, собор пуст, лишь перед серебряной гробницей святого преклонила колени молящаяся фигура, восхитительная женщина, она искоса бросает на меня быстрый взгляд, но тут же вновь обращает его на святого и шепчет своими манящими и лукавыми губами: «Умоляю тебя!»

В то же мгновение, когда я услышал эти слова, вдалеке ударил в колокол церковный служка, орга́н обрушился потоком неистовых звуков, прелестная незнакомка встала перед надгробием, накинула белую вуаль на раскрасневшееся лицо и покинула собор.

«Умоляю тебя!» — относились эти слова ко мне или серебряному Адальберту? К нему она была обращена, но только лицом. Что означал тот взгляд искоса, который она бросила на меня и чей луч проник мне в душу, словно полоска света над ночным морем, когда луна показывается меж темных облаков и снова быстро прячется за ними. В моей душе, такой же темной, как море, тот луч разбудил всех чудовищ, спавших в ее глубине; неудержимые меченосы и акулы страсти внезапно вырвались наверх, они резвились и с наслаждением кусали друг друга за хвосты, а орга́н ревел и хрипел с нарастающей силой, словно крещендо бури в Северном море.

На следующий день я покинул Польшу.

Глава 2

Мой дорожный сундук мама собирала сама и с каждой сорочкой она укладывала также доброе наставление. Впоследствии прачки порушили весь этот порядок сорочек и добрых наставлений. Папа был чрезвычайно взволнован; он вручил мне обширную записку, в которой педантично описал, как мне вести себя на этом свете. Первый пункт гласил: каждый дукат я должен повернуть в руке десять раз, прежде чем потратить. Сначала я этому следовал, затем постоянное поворачивание стало слишком утомительным для меня. Вместе с запиской папа вручил мне упоминаемые в ней дукаты. Потом взял ножницы, срезал косичку со своей милой головы и отдал мне на память. Косичка все еще у меня, и я плачу всякий раз, когда всматриваюсь в тонкие припудренные пряди…

В ночь перед отъездом мне приснился сон.

Я прогуливался в одиночестве в каком-то прекрасном, наполненном жизнью месте у моря. Был полдень, и солнце освещало водную гладь так, словно в ней искрились прозрачные алмазы. Тут и там на берегу росли алоэ, с тоской простирающие к безоблачному небу зеленые руки. Также стояла плакучая ива с длинными поникшими ветвями, которые всякий раз приподнимались, когда набегали волны, отчего она выглядели морской девой, откидывающей зеленые волосы, чтобы лучше услышать, что шепчут ей на ухо влюбленные в нее сильфы. Действительно, иногда доносились как будто вздохи и любовный лепет. Море все больше наполнялось сияющим очарованием, шум его становился все благозвучнее, и по бурным сверкающим волнам шествовал серебряный Адальберт, совершенно такой же, каким я видел его в кафедральном соборе Гнезно — серебряный епископский посох в серебряной руке, серебряная митра на серебряной голове; и он помахал мне рукой и кивнул, и в заключение, когда остановился напротив меня, крикнул мне жутким серебряным голосом…

Однако из-за шума волн я не смог разобрать слова. Но полагаю, что мой серебряный соперник насмехался надо мной. И долго еще я стоял на берегу и плакал, пока не опустились сумерки и небо с морем стали мутными и серыми, в безмерной печали. Начался прилив. Алоэ с треском ломались и вместе с ивой были унесены волнами, которые порой спешно отступали и тем стремительнее набрасывались вновь, грохочущие, страшные, белопенные на гребнях. Но потом я расслышал еще и ритмичные звуки, словно от ударов веслами, и, наконец, увидел кан, подхваченный прибоем. Четыре белые фигуры с землистыми помертвелыми лицами, закутанные в саваны, сидели в нем и усиленно гребли. В середине кана стояла бледная, но бесконечно прекрасная женщина, бесконечно нежная, словно сотканная из аромата лилий… и она спрыгнула на берег. Кан с его призрачными гребцами стрелой бросился обратно в открытое море, а в моих объятиях лежала панна Ядвига и плакала и смеялась. «Умоляю тебя!»

Глава 3

Свое первое путешествие после расставания со Шнабелевопсом я предпринял в Германию, а именно в Гамбург, где пробыл шесть месяцев, вместо того чтобы сразу же отправиться в Лейден изучать богословие, как того хотели родители. Должен повиниться, во время того семестра я предавался больше земным делам, чем божеским.

Гамбург — хороший город, кругом солидные дома. Здесь правит не мерзкий Макбет, здесь владения Банко. Дух Банко господствует повсюду в этом маленьком вольном государстве, чьим безусловным главой является высокомудрый Сенат. В действительности это республика, и здесь можно обнаружить величайшую политическую свободу. Граждане вольны поступать как хотят, точно так же и высокомудрый Сенат может делать что пожелает; здесь каждый сам себе хозяин. Это республика. Если бы Лафайету не посчастливилось найти Луи-Филиппа, то он, разумеется, должен был рекомендовать своим французам гамбургских сенаторов и церковных старейшин. Гамбург — лучшая из республик. Стиль его жизни английский, а еда божественна. Воистину, существуют противоречия между Вандраменом и Грязевым Валом, о чем наши философы не имеют никакого представления. Жители Гамбурга добрые люди и питаются хорошо. Их взгляды на религию, политику и науку весьма разные, но касательно еды царит самое замечательное единомыслие. Местные христианские богословы могут ожесточенно дискутировать о важности Тайной вечери, но они полностью согласны со значимостью обеда. Среди евреев там могут быть такие, которые произносят обеденную молитву по-немецки, в то время как остальные поют ее на древнееврейском; и те и другие кушают, и кушают хорошо, замечательно разбираясь в еде. Поворачивающие ве́ртелы законов адвокаты, которые крутят и приспосабливают правовые акты до тех пор, пока им не перепадет жаркое, могут яростно спорить, следует ли сделать судебные заседания публичными, но едины они в одном: все кушанья должны быть отменными, и у каждого есть любимое блюдо. Разумеется, у военных образ мыслей безупречно спартанский, но они ничего не хотят знать о черном супе. Врачи, крайне разобщенные в вопросах исцеления от хворей, при лечении тамошней национальной болезни (расстройство желудка) либо браунианцы, назначая увеличение порций копченой говядины, либо гомеопаты, выписывая одну десятитысячную капли абсента на большую миску черепахового супа (из телячьей головы); они едины, когда речь заходит о вкусе бульона или копченой говядины. Гамбург — родина последней, копченой говядины, и хвалится ею, как Айслебен превозносит своего Лютера, а Майнц — Иоганна Фауста. Но что такое Реформация и книгопечатание в сравнении с копченой говядиной? Полезны они или вредны, об этом спорят между собой их сторонники в Германии, но даже наши ревностные иезуиты подтверждают, что копченая говядина — это хорошее, целительное для людей изобретение.

Гамбург основан Карлом Великим и населен восьмьюдесятью тысячами маленьких людей, из которых никто не поменялся бы местом с Карлом Великим, похороненном в Аахене. Вероятно, население Гамбурга около ста тысяч, точно не знаю, хотя я целыми днями гулял по улицам, чтобы посмотреть на жителей. Конечно, некоторых мужчин упустил из виду, поскольку женщинам уделял особое внимание. Я нашел их совсем не худыми, а чаще всего даже дородными, порой восхитительно красивыми и в целом определенно исполненными чувственности, что мне ни в коем случае не неприятно. Если они в романтической любви не выказывают чрезмерной пылкости и о великой сердечной страсти имеют смутное представление, так это не их вина, а промах Амура с крылышками, который, положив преострейшую любовную стрелу на тетиву, то ли из озорства, то ли из-за небрежности, выстреливает слишком быстро, и вместо сердец жительниц Гамбурга поражает только их желудки. Что касается мужчин, то я видел главным образом коренастые фигуры, умные холодные глаза, низкий лоб,

обвисшие красные щеки — особый инструмент для приема пищи, шляпу, словно пригвожденную к голове, и руки в карманах, будто каждый из них вот-вот спросит: «Сколько с меня?»

К достопримечательностям города относятся: 1) Старая ратуша, где высеченные из камня великие гамбургские банкиры со скипетрами и державами в руках стоят друг против друга; 2) Биржа, где ежедневно собираются сыны Хаммонии, как бывало римляне на Форуме, и где над их головами висит черная памятная доска с именами заслуженных сограждан; 3) прекрасная Марианна — женщина поразительной красоты, которую время уже начало подгрызать, кстати, «зубастое время» — плохая метафора, потому что оно уже в таком возрасте, что наверняка больше не имеет зубов, время имею в виду… У прекрасной Марианны скорее всего все зубы на месте и сверх того острый язычок, то есть за словом в карман она не полезет; 4) бывшая Центральная касса; 5) Альтона; 6) оригинальные рукописи трагедий Марра; 7) Рёдинг, владелец музея; 8) здание для биржевых торгов; 9) трактир «У Бахуса» и, наконец, 10) городской театр. Последний заслуживает особой похвалы, его служители — сплошь добропорядочные граждане, почтенные отцы семейств, которые не могут кривить душой и кого-либо обманывать, люди, превращающие театр в храм божий и тем самым эффективнейшим образом убеждающие несчастных, разочаровавшихся в человечестве, что не все в мире притворство и лицемерие.

При перечислении достопримечательностей Гамбургской республики не могу не упомянуть, что во времена моего пребывания «Зал Аполлона» на улице Дребан был настоящим бриллиантом. Сейчас он пришел в упадок, в нем проводят филармонические концерты, показывают фокусы и уплетают обеды любители естественных наук. Когда-то все было по-другому! Гремели трубы, звенели литавры, колыхались страусиные перья, Элоиза и Минка грациозно семенили под звуки «Полонеза Огинского», и все было весьма пристойно. Прекрасное время, когда счастье улыбалось мне! Счастье по имени Элоиза! Сладостное, прелестное, блаженное счастье с розами на щеках, лилейным носиком, горячими, благоухающими пряным ароматом гвоздики губами, глазами как синее горное озеро, однако тень какой-то глуповатости лежала на ее лбу, словно флёр облаков на сверкающей весенней растительности. Она была стройной как тополь и оживленной как птичка, с такой нежной кожей, что припухлость после укола шпилькой для волос не проходила двенадцать дней. Но обида на то, что я ее уколол, продолжалась двенадцать секунд, после чего она рассмеялась… Чудесное время, когда счастье улыбалось мне! Минка улыбалась реже из-за некрасивых зубов. Но тем прекраснее были ее слезы, когда она плакала, а плакать ей приходилось над всяким чужим несчастьем, она была необычайно добросердечна. Отдавала бедным последний шиллинг; отдала бы и последнюю сорочку, если ее об этом попросили. Добрейшей души человек. Ни в чем не могла отказать, за исключением своих слез. Этот мягкий, покладистый характер довольно мило контрастировал с ее внешностью. Исполненная решимости, статная, как у Юноны, фигура; белая царственная шея в обрамлении буйных черных вьющихся волос, похожих на сладострастных змей; глаза под темными триумфальными арками бровей словно излучали мировое господство; горделивая складка четко очерченных пурпурных губ; мраморно-белые властные руки, к сожалению, кое-где с веснушками; также у нее было коричневое родимое пятно в форме маленького кинжала на левом бедре.

Дорогой читатель, если я привел тебя в так называемое дурное общество, то утешайся тем, по крайней мере, что оно стоило тебе не так дорого, как мне. Однако в этой книге далее не будет недостатка в идеальных женских персонажах, и уже сейчас я хочу представить тебе, в качестве компенсации, двух блюстительниц хорошего тона, с которыми я тогда познакомился и воздал им должное. Это мадам Пипер и мадам Шнипер. Первая была красавицей для ее давно перезрелого возраста — большие черные глаза, высокий белый лоб, черные накладные локоны, орлиный древнеримский нос и пасть — гильотина для любого честного имени. В самом деле, для честного имени не было более простого механизма смертной казни, чем пасть мадам Пипер; она не заставляла его долго трепыхаться, никакой предварительной подготовки; если доброе имя попадалось ей в зубы, то она только усмехалась… Но эта усмешка была как

нож — честь отсекалась и падала в мешок. Мадам Пипер всегда была образцом приличий, добропорядочности, набожности и высокой нравственности. Мадам Шнипер могла похвалиться тем же самым. Это была деликатная женщина со слабыми легкими, обычно закутанная в унылую тонкую накидку; светлые волосы, светло-голубые страшно умные глаза на бледном лице. Говорили, что ее шаги невозможно услышать, и действительно, не успеет кто оглянуться, как она зачастую уже стоит рядом, а потом так же бесшумно исчезает. Ее улыбка тоже смертельна для каждого доброго имени, но не как секира, а скорее как дыхание того африканского ядовитого ветра, от которого увядают цветы; каждое доброе имя, по поводу которого она лишь тихо улыбнулась про себя, должно бесславно зачахнуть. Она всегда была образцом приличий, добропорядочности, набожности и высокой нравственности.

Также не премину воздать еще большую хвалу сынам Хаммонии, некоторым особенно почитаемым гражданам, в частности таким, чей банковский капитал обычно составляет несколько миллионов марок; но в данную минуту я хочу приглушить свой энтузиазм, чтобы тем ярче он запылал в дальнейшем. Собственно, я имею в виду не что иное как создание гамбургского Монумента добродетели согласно проекту, разработанному одним знаменитым писателем, который в целях его реализации призвал каждого жителя Гамбурга создать список своих особенных достоинств и прислать ему в кратчайшие сроки с приложением кёльнского талера. Никогда не мог понять, почему этот Монумент не был возведен, потому что одни говорили, будто предприниматель, порядочный человек, едва пройдя путь от Аарона до заката и забив первую сваю, был раздавлен тяжелым грузом; другие полагали, что высокомудрый Сенат по причине его великой скромности зарубил проект Монумента в свою честь, внезапно приказав строителю вместе со всеми его добродетелями в двадцать четыре часа покинуть пределы Гамбурга. Но неважно, по какой из причин работа не была завершена, а поскольку и я когда-то хотел сделать нечто великое на этом свете (по причине врожденной склонности) и всегда стремился совершить невозможное, то и реанимировал тот чудовищный проект и представляю гамбургский Монумент добродетели в виде бессмертной исполинской книги, в которой описываю величие всех без исключения жителей города, рассказываю о благородстве тайной помощи бедным, о которой даже газеты еще не написали, рассказываю о великих деяниях, никто в них не поверит, и в которой мой собственный образ — как я сижу перед «Швейцарским павильоном» на Юнгфернштиг и размышляю о воспевании Гамбурга — красуется как виньетка.

Глава 4

Для читателей, не знакомых с Гамбургом, возможно, такие есть в Китае или Верхней Баварии, должен отметить, что сыны и дочери Хаммонии по праву считают место под названием Юнгфернштиг самым замечательным для прогулок; оно представляет собой липовую аллею, ограниченную с одной стороны рядом домов, а с другой — водной гладью Альстерского озера, где у самой кромки воды стоят две похожие на палатки смешные кофейни, называемые павильонами. Особенно перед одним, так называемым «Швейцарским павильоном», хорошо сидеть летом, когда послеполуденное солнце припекает не слишком сильно, лишь радостно улыбается и заливает своими лучами липы, дома, публику, Альстер и лебедей, которые покачиваются на озере, прекрасные почти как в сказе. Приятно там сидеть, и я сиживал там, порой даже в летний полдень, и думал, о чем обычно думает молодой человек, то есть ни о чем, и смотрел, на что обычно смотрит молодой человек, то есть на юных девушек, идущих мимо… Там проплывали прелестные трепетные создания в чепчиках с развевающимися лентами, держа в руках закрытые корзиночки, в которых ничего не было… Семенили пестро одетые жительницы Фирланде, снабжавшие весь Гамбург земляникой и домашним молоком, и чьи юбки все еще слишком длинные… Важно совершали променад красивые купеческие дочери, в придачу к их любви можно заполучить много наличных денег… Кормилица нянчила на руках розового малыша, беспрестанно целуя его и думая при этом о своем возлюбленном… Прохаживались жрицы вышедшей из пены морской богини, ганзейские весталки, Дианы, отправляющиеся на охоту, наяды, дриады, гамадриады и прочие пасторские дочери… Ах, там прогуливаются и Минка с Элоизой! Как часто я, сидя перед павильоном, видел, как они ходят взад и вперед в своих нарядах из ткани в розовую полоску (4 марки 3 шиллинга за аршин), и господин Зелигман уверял меня, что после стирки розовые полоски сохраняют цвет… «Шикарные девки!» — кричали тогда добродетельные юноши, сидящие рядом со мной. Помню, один внушительной комплекции ассекуратор, который всегда ходил расфранченный как бык на Троицу, однажды сказал: «Хотел бы я одной полакомиться на завтрак, а другой — на ужин, и в тот день я бы даже не обедал»… «Она ангел!» — сказал как-то раз морской капитан так громко, что две девушки обернулись одновременно и потом ревниво посмотрели друг на друга. Сам я никогда ничего не говорил, предаваясь сладостному ничегонедуманью, разглядывал девушек и безоблачное кроткое небо, и рослую, со стройным станом башню церкви Святого Петра, и тихий голубой Альстер, по которому так гордо и так очаровательно, так невозмутимо плавали лебеди. Лебеди! Я мог часами наблюдать за ними — прелестными созданиями с изящными длинными шеями, как они, роскошные, покачивались на мягких волнах, как порой с наслаждением ныряли и появлялись снова, беззаботно разбрызгивая воду, пока небо не темнело и не появлялись золотые звезды, — требовательные, обещающие, удивительно нежные, сияющие. Звезды! Не золотые ли вы цветы на груди заневестившейся небесной выси? Не влюбленные ли вы глаза ангелов, жадно глядящих в синие воды земли, отражаясь в них и милуясь с лебедями?

…… … … … …..

Ах! С тех пор прошло много времени. Я был тогда юным и глупым. Теперь я старый и глупый. Между тем некоторые цветы увяли, а некоторые были даже растоптаны. Некоторые шелковые одежды порвались и даже ситец в розовую полоску господина Зелигмана выцвел. Да и сам он упокоился… Торговый дом теперь называется «Блаженная вдова Зелигмана»… И Элоиза, нежное существо, созданное, казалось, только для того чтобы с павлиньим пером ступать по мягким цветистым индийским коврам и улыбаться, утонула в матросском гвалте, пунше, табачном дыме и дрянной музыке. Когда я вновь увидел Минку — теперь она представлялась Катинкой и жила между Гамбургом и Альтоной — то выглядела она как храм Соломона, разрушенный Навуходоносором, и несло от нее ассирийским кнастером… Когда она расска-

зывала мне о смерти Элоизы, то горько плакала и рвала на себе волосы от отчаяния, на грани обморока, так что должна была выпить большую рюмку водки, чтобы прийти в себя.

Да и сам город, как он изменился! И Юнгфернштиг! На крышах лежал снег, и казалось, что даже дома состарились и поседели. Липы на бульваре являли собой просто безжизненные деревья с высохшими ветками, бесплотные призраки, качающиеся на холодном ветру. Яркая голубизна неба резала глаза, быстро стемнело. Было воскресенье, пять часов, время всеобщей кормежки, и кареты покатились, из них выходили господа и дамы с застывшими от мороза улыбками на страждущих губах… Ужасно! В эту минуту меня пронзило кошмарное озарение: на всех лицах лежала печать непостижимого идиотизма, и проходящие мимо люди показались охваченными странным помешательством. Я уже видел их двенадцать лет назад, ровно в это время, с теми же выражениями на лицах, словно у кукол на часах ратуши, двигающихся точно так же… И с тех пор они беспрерывно, в одной и той же манере подсчитывали, наведывались на биржу, приглашали друг друга, двигали челюстями, оставляли чаевые и опять подсчитывали: дважды два — четыре… «Ужасно! — воскликнул я. — Если вдруг одному из этих людей, сидящих за конторками, придет в голову мысль, что дважды два, собственно, должно равняться пяти, и что он, следовательно, всю жизнь ошибался в расчетах, и вся его жизнь прошла в страшном заблуждении!» Внезапно меня самого охватило карикатурное безумие, и когда я присмотрелся к фланирующим людям, то мне почудилось, будто они сами не что иное как числа, арабские цифры; вон там идет кривоногий Двойка рядом с фатальной Тройкой — своей на сносях пышногрудой госпожой супругой; за ними следует господин Четверка, опираясь на трость с изогнутой ручкой; шагает вперевалочку Пятерка с круглым животом и маленькой головой; затем проходят всем известный низкорослый Шестерка и всем известный злобный Семерка… Когда же я внимательнее присмотрелся к пошатывающейся походке Восьмерки, то узнал ассекуратора, который обычно шествовал как бык на Троицу, но теперь выглядел как самая тощая из всех тощих коров фараона… бледные впалые щеки как пустые суповые тарелки, красный от холода нос как зимняя роза, потертое черное пальто с жалкими белесыми бликами на залоснившихся местах, шляпа, в которой Кронос проделал своим серпом несколько отдушин, но сапоги начищены до зеркального блеска… видимо, он уже не думал о том, чтобы позавтракать Элоизой и поужинать Минкой, казалось, он больше всего тосковал по заурядной говядине на обед. Среди катящихся мимо нулей я узнал еще нескольких старых знакомых. Эти и другие люди-цифры мчались мимо, торопливые и голодные, в то время как вдалеке, вдоль домов Юнгфернштиг, тянулась, и в этом было что-то еще более жутко-забавное, похоронная процессия. Какой унылый маскарад! Позади катафалка, словно марионетки Смерти, шли в один ряд, перебирая тонкими ножками в черных шелковых чулках, всем известные служащие муниципального совета — привилегированные скорбящие в пародийных старо-бургундских костюмах: короткие черные плащи и черные шаровары, белые парики и белые горжеты, а в промежутке между ними красные оплаченные физиономии выглядели уж вовсе шутовскими; короткие стальные шпаги на боку, зеленый зонтик под мышкой.

Но еще более зловещим и сбивающим с толку, чем эти картины, которые, словно в китайском театре теней, безмолвно скользили мимо, был шум, доносившийся с другой стороны. Это были хриплые, дребезжащие, стонущие звуки, безумные взвизгивания, бессильные всплески и отчаянные удары по воде, пыхтение, шорох, стенания и кряхтение, неописуемые, леденящие душу звуки боли. Альстер сковало льдом, только возле берега была устроена большая четырехугольная прорубь, и ужасающие звуки, которые я только что расслышал, вырывались из глоток несчастных белоснежных созданий, которые в ней плавали и кричали в предсмертном ужасе… Увы! Это были те самые лебеди, которые, бывало, так мягко и безмятежно услаждали мою душу. Ах! прекрасным белым лебедям перебили крылья, чтобы осенью они не могли улететь в теплые южные края, и теперь север крепко держал их в своей темной ледяной могиле… И кельнер павильона сказал, что им там хорошо, и холод полезен для здоровья. Но это неправда и

совсем не хорошо, если беспомощный заточен в пределах ледяной лужи, замерзший до полусмерти, со сломанными крыльями, не имея возможности улететь на прекрасный юг, где красивые цветы, золотой солнечный свет, синие горные озера… Ах! в былые времена и у меня дела шли ненамного лучше, и я понимал муки этих бедных лебедей; и когда совсем стемнело и вверху засияли звезды, те самые, которые однажды прекрасной летней ночью столь пылко миловались с лебедями, но теперь они так по-зимнему холодны, так морозно-кристальны, почти с издевкой глядящие на них сверху… как хорошо я понял теперь, что звезды вовсе не любящие и сострадательные, но лишь блестящие химеры ночи, вечные миражи грезящих небес, золотая ложь в темно-синем Ничто…

Глава 5

Пока я писал предыдущую главу, мысли мои то и дело перескакивали на что-то совершенно противоположное. В памяти постоянно звучала одна старая песня, образы и мысли путались несноснейшим образом; хочется мне того или нет, но я должен рассказать об этой песне. Может быть, она тоже входит в замысел и по праву стремится занять место в моей писанине. Да, теперь я даже начинаю понимать ее, и понимаю теперь мрачность, с которой ее пел Клаас Хинрихсон; он был ютландцем и служил у нас конюхом. Он даже спел ее накануне вечером, прежде чем повесился. При рефрене «Оглянись, герр Фóнвед!» он иногда зло хохотал; лошади при этом испуганно ржали, а дворовый пес надрывался как перед умирающим. Это средневековая датская песня о господине Фонведе, который скачет верхом на коне по свету и сражается так долго, пока на его вопросы не ответят, и наконец, когда все загадки были разгаданы, он, раздосадованный, повернул домой. В начале и в конце упоминается арфа. О чем пел герр Фонвед в начале? О чем он пел в конце? Я часто размышлял над этим. Голос Клааса Хинрихсона иногда дрожал от слез, когда он начинал петь, и постепенно становился грубым и рокочущим, словно море, когда приближается шторм. Она начинается так:

Герр Фонвед у себя поет,
Из сердца звуки достает
Для арфы золотой своей;
Вот мать появилась у самых дверей.
Оглянись, герр Фонвед!

Это была его мать Áделин, королева, которая говорит ему: «Мой юный сын, предоставь другим играть на арфе, опоясывайся мечом, садись на коня, поезжай, испытай свою храбрость, сражайся и бейся, поезди по белу свету, оглянись вокруг, герр Фонвед». И он:

Герр Фонвед в ножны меч вложил немедля,
Врагов он стремится повергнуть,
Диковинным был тот поход:
Никто с ним сраженья не ждет.
Оглянись, герр Фонвед!

И шлем блестящий,
И шпоры звенящи,
Конь выносящий,
И он, мечом грозящий.
Оглянись, герр Фонвед!

Он скачет день и три потом,
Нигде селений не видать;
«Ого! — юный Фонвед сказал, —
Нет городов в стране такой?»
Оглянись, герр Фонвед!

Тогда он дальше поскакал,
Герр Туле Ванг пред ним предстал,
И дюжина всадников — его сыны

Как на подбор, ему верны.
Оглянись, герр Фонвед!

«Мой младший сын, меня услышь:
В доспехах тех не устоишь,
Сейчас мы поменяемся с тобой,
Пусть выскочка умрет, не приняв бой».
Оглянись, герр Фонвед!

Герр Фонвед выхватил меч из ножен,
Он рвется вперед врагов уничтожить:
Повержен герр Туле — первым пал,
Потом — вся дюжина сыновей.
Оглянись, герр Фонвед!

Герр Фонвед меч свой повесил обратно, он жаждет труд продолжить ратный. Вот подъезжает он к охотнику и требует отдать ему половину добычи, но тот не хочет делиться и, вынужденный сражаться, убит. Далее:

Герр Фонвед меч свой повесил обратно,
Он жаждет труд продолжить ратный;
К высокой горе скачет герой,
Пастух там гонит стадо домой.
Оглянись, герр Фонвед!

«Пастух, послушай и ответь:
Чей скот ты гонишь присмотреть?
И что круглее колеса?
Где пьют за наступленье Рождества?»
Оглянись, герр Фонвед!

«Когда прилив, то рыба где?
И птицам красный цвет зачем?
Где лучшее из всех вино?
Где Видрих пьет с бойцами заодно?»
Оглянись, герр Фонвед!

Сидел не шевелясь пастух,
Сказать не мог и слова вслух.
Его поразил рукоятью меча,
Нутро ему вышиб ударом сплеча.
Оглянись, герр Фонвед!

Герр Фонвед подъезжает к еще одному стаду и там сидит другой пастух, которому он задает свои вопросы. Но этот пастух отвечает, герр Фонвед снимает золотое кольцо и надевает ему на руку. Затем скачет дальше, прибывает к Тюге Нольду и убивает его вместе с двенадцатью сыновьями. И снова:

Он резко развернул коня,

Правитель молодой герр Фонвед,
Скакал он по долинам и горам,
Нигде не смог поговорить он там.
Оглянись, герр Фонвед!

На битву третью прибывает,
Седого пастуха встречает:
«Послушай, добрый проводник овец,
Ты дашь мне ответ, наконец».
Оглянись, герр Фонвед!

«Что круглее колеса?
Где пьют за наступленье Рождества?
Куда стремится Солнце, чтоб уснуть?
Куда у мертвых ноги повернуть?»
Оглянись, герр Фонвед!

«Чем наполнены долины?
Пред королем надеть что дворянину?
Что громче криков журавлей?
Белей что перьев лебедей?»
Оглянись, герр Фонвед!

«Кто на затылке носит ус?
Нос у кого пониже челюстей?
Что побоев хуже может быть, ответь?
И что быстрее, чем олень?»
Оглянись, герр Фонвед!

«Где самый широкий в мире мост?
Что вызывает отвращенье у людей?
Где выше всех проложен ход?
И где вино, холодное как лед?»
Оглянись, герр Фонвед!

«Солнце круглее колеса,
На небесах ликует праздник Рождества,
Идет на запад солнце, чтоб уснуть.
На восток у мертвых ноги повернуть».
Оглянись, герр Фонвед!

«Снег наполняет долины,
Отвага украшает дворянина,
И криков журавля сильнее гром,
Белей чем лебедь ангелов сонм».
Оглянись, герр Фонвед!

«Чибис на затылок ус вознёс,
Ниже челюстей у тролля нос,

И побоев хуже тяжкий грех,
Мысль стремительней оленей всех».
Оглянись, герр Фонвед!

«В мире шире нет моста, чем изо льда,
Отвращенье у людей от жаб всегда,
Дорога выше всех уходит в рай,
Вино холодное ты снизу доставай».
Оглянись, герр Фонвед!

«Ты уже о многом разузнал,
Что сумел, тебе я передал».
«Чувствую теперь доверие к тебе,
Укажи бойцов, что меня не слабей».
Оглянись, герр Фонвед!

«Про Зондебург тебе скажу —
Там герои вволю медову́ху пьют,
Найдешь бойцов и рыцарей служивых,
Кто победами в сраженьях живы».
Оглянись, герр Фонвед!

Кольцо дорогое он с пальца снял,
В пятнадцать фунтов золотых;
Награда была без изъяна
Тому, кто путь указал к великанам.
Оглянись, герр Фонвед!

И он скачет к замку и убивает сначала Рандульфа, а затем Страндульфа,

Эг Ундер пал пред ним могучий
С братом Карлом, грозным как туча,
Рубился, не жалея сил,
Вокруг всех врагов перебил.
Оглянись, герр Фонвед!

Он меч вложил в ножны обратно,
Был путь пред ним благоприятный.
И встретил в дикой стороне,
Сильней кто был его вдвойне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.